

Под началом генерал-майора Александра Кутайсова наша артиллерия в Бородинском сражении стала для французов роялем в кустах

Потомки, если только не пойдут по скользкой дорожке литературного Смердякова, сожалевающего о гибели Великой армии Наполеона, еще не раз скажут спасибо военному министру Михаилу Барклаю-де-Толли. Это он, занимая высший пост в управлении своим ведомством, сумел расставить лучших людей на ведущих армейских должностях, чтобы достойно встретить надвигающуюся из Европы грозу. **«Спешить учиться!»** Длительный заграничный отпуск генерал-майора Александра Кутайсова (1784-1812), предпринятый им в Вену и Париж, не должен был вызвать у французов каких-либо подозрений даже в канун войны. Учиться математике, баллистике и фортификации приехал совсем «зеленый» юноша в скромном гражданском платье — вольнослушателю парижских университетов в 1811 году еще не было и 27 лет. Он был богат, хорош собой, знал несколько европейских языков, писал стихи, рисовал и вполне мог сойти за светского баловня, которому и взростеть-то особенно незачем. Небожителю с пятью тысячами крепостных сие как-то ни к чему.

Но за всем этим антуражем скрывалось стремление боевого офицера серьезно обучиться артиллерийскому делу, а полученные на чужбине знания с пользой применить дома, на родных батареях. Современник молодого графа Кутайсова, «ученого математика и веселого поэта», вспоминал, что Александр Иванович даже сочинил афоризм, который смело можно брать на вооружение хоть сейчас: «Надобно спешить учиться, а то придет старость, а там и смерть!».

А почему, собственно, нужно было перенимать опыт у французов, ведь в артиллерийском деле русские войска тоже были не лыком шиты? В самом деле, в период правления императрицы Елизаветы Петровны настоящий фурор произвело у нас появление шуваловских единорогов — «длинных гаубиц», как именовались эти орудия в Европе. Они могли подавлять противника на «дистанции огромного размера», имея дальность стрельбы до четырех тысяч метров. Кроме того, применение настильного огня через боевые порядки пехоты, ставшее возможным с использованием гаубиц, вывело Россию в ранг передовых военных держав.

Это все так, но ведь и французы были не только мастера великих потрясений. Молодой

гвардейский генерал Кутайсов, видевший наполеоновские пушки в деле, под Прейсиш-Эйлау и Фридландом, отмечал их главное качество — мобильность, в чем русская артиллерия пока уступала. Особо выделял граф новаторство первого артиллериста Франции. Пяту часть своих орудий Бонапарт сделал маневренными и легкопроходимыми, переведя их на конную тягу и посадив на лошадей прислугу, обученную кавалерийскому бою. Не случайно конной артиллерии уже тогда принадлежала внезапность удара по живой силе врага.

Герой Тулона явился также автором массированного огня, когда по одной цели направлялась стрельба до ста орудий одновременно. Установленная при этом очередность пушечного залпа позволяла вести пальбу непрерывно, что методично выводило неприятеля из строя.

По возвращении из Парижа Кутайсов возглавил артиллерию Первой армии и вплотную взялся за преобразования. Граф определенно спешил, уже зная о сроках французского вторжения, и вчерне набросал «Общие правила для артиллерии в полевых условиях». По сути, это первый боевой устав русских артиллеристов, действовавших в ту пору без таблиц дальностей стрельбы, на основе глазомера и опыта командиров рот и батарей, благодаря сноровке и слаженности орудийных расчетов.

— С начала сражения, когда еще не примечено настоящее намерение неприятеля, батареи должны состоять из малого числа орудий и быть рассеяны в разных местах: в сем положении вы представляете собою малую цель, а сами имеете более средства ему вредить косвенными и перекрестными выстрелами и затруднять в его предприятиях, — наставлял Кутайсов.

Бородинский экзамен парижского вольнослушателя

Боевую обкатку эти правила в полном объеме получили на Бородинском поле, где Александр Кутайсов возглавил всю артиллерию, непосредственно подчиняясь только главнокомандующему. Высокие полномочия позволяли принимать личные решения и отстаивать их даже в случае, когда между Кутайсовым и Кутузовым возникали разногласия, скажем, по тому же количеству стволов, выведенных в резерв.

Из имеющихся у русской армии 640 пушек около 300 орудий (по некоторым источникам, даже более того) ждали своего часа в резерве, и главнокомандующий, по словам военного историка Александра Михайловского-Данилевского, выражал недовольство, требуя в день сражения дополнительной организации огня.

— Не вижу необходимости посылать за резервами артиллерии, — мужественно отвечал генерал.

И все-таки Кутайсов не зря провел «вакации» во Франции. Он отлично уяснил тактику неприятеля: во время наступления бить по батареям противника, стараясь полностью вывести их из строя. Так, собственно, и случилось накануне Бородинского сражения, когда по Шевардинскому редуту ударили разом до 120 орудий. Артиллерийские расчеты

батарее, что находилась на этой доминирующей высоте, приняли первый удар, героически умирая на своих пушках.

Бросить в сражение всю артиллерию — это противоречило тактике Кутайсова. Согласно ей, маскировка орудий становилась решающим условием успеха: атакующий должен был встретить артиллерию там, где видеть ее предполагал менее всего.

Последующий ход событий полностью подтвердил правоту молодого военачальника, настоявшего на создании резервов, размещенных на чрезвычайно скученном пространстве Бородина.

Ранним утром 7 сентября в одном из уязвимых мест русской армии — промежутке между Багратионовскими флешами и деревней Утица, предвкушая грядущий разгром врага, ринулся пехотный корпус дивизионного генерала Андоша Жюно. Создавалась явная угроза выхода во фланг и тыл, и командир резерва гвардейской конной артиллерии полковник Петр Ковен тут же приказал легкой батарее из восьми орудий как следует проучить французов. Собственно, капитан Ростислав Захаров был инициатором внезапной атаки — он первым заметил движение чужих колонн.

Артиллерийский резерв конногвардейцев на полном карьере вышел перед неприятелем на картечный выстрел. Убийственный огонь русских фейерверкеров, и первая колонна пехоты была сметена, а в помощь гвардейской батарее уже летела тяжелая кавалерия — кирасиры. Жюно, которого солдаты Великой армии называли «генерал-ураганом», такого не ожидал и в который раз за эту кампанию подвел армейского приятеля.

Все дело довершил пехотный корпус генерал-лейтенанта Карла Багговута, который загнал французов в Утицкий лес и тем самым окончательно сорвал замысел Наполеона по обходу левого фланга русских сил.

На командном пункте в Шевардино французский полководец, возможно, и впрямь кусал локотки и сожалел, что вечером отклонил идею ночного марш-броска, что предлагал маршал Луи-Николя Даву, чтобы рано утром ударить в тыл левого крыла. «Император стал забывать свое ремесло», — шептались обескураженные маршалы. Наверняка первый артиллерист Франции пришел бы в ярость, если бы ему доложили об истинной причине неудачи старого сослуживца. Какая ирония судьбы, планы императора-артиллериста разрушила всего-навсего одна русская батарея!

«На поле бранном тишина»

О гибели своего ровесника капитана Захарова, чью батарею затем перебросили на Багратионовские флешы, Кутайсов уже не узнал — «священный день Бородина» стал последним и для него.

Тело 28-летнего Кутайсова, «отличная храбрость которого влекла его в средину опасности», на поле брани так и не нашли: знаком беды стала неприкаянная генеральская лошадь — она металась под ядрами возле Курганной высоты с

окровавленным седлом, одна, без седока. «И где же твой, о витязь, прах? Какою взят могилой?» — вопрошал московский ополченец Василий Жуковский в поэме «Певец во стане русских воинов», написанной по горячим следам, в середине сентября 1812 года. Тогда еще теплилась надежда, что отыщется след героя, и не кто иной, как главнокомандующий Михаил Кутузов, более всего не верил в его смерть — слишком велика была потеря лучшего артиллериста России.

Свой долг перед армией генерал-майор Кутайсов выполнил сполна — батареи на всех угрожаемых участках Бородинской битвы непрерывно подкреплялись резервами, шел постоянный маневр свежими силами. Редкий историк при разбросе мнений сегодня убежден, что именно это помогло создать стойкую оборону нашей армии. Как результат — французской артиллерии так и не удалось добиться превосходства над русскими пушками по силе и мощи орудийного огня.

— Артиллерия должна жертвовать собою, пусть возьмут вас с орудиями, но последний картечный выстрел нужно выпустить в упор, — призывал в своем последнем приказе молодой русский генерал.

Николай ЮРЛОВ

КСТАТИ *Весь день 6 сентября, в передышку перед «грозной сечей», Кутайсов провел в седле, объехал каждую батарею по фронту и флангам, уточняя секторы обстрела, поднимая боевой дух своих бомбардиров. Будь жив незабвенный Суворов, он мог бы гордиться: молодая поросль уверенно шагала к победам по его стопам.*